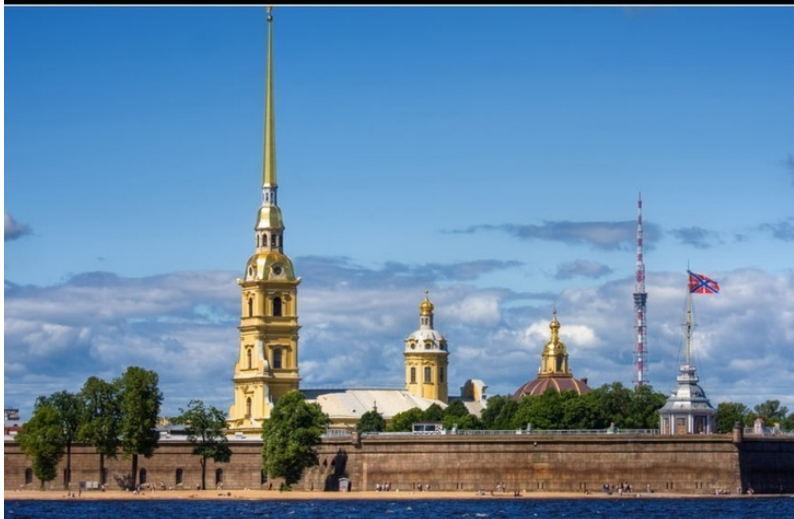

Татьяна Жарикова

Петропавловская крепость

Повести и рассказы

Татьяна Жарикова
Петропавловская крепость.
Повести и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073603
ISBN 9785448337277*

Аннотация

В книгу «Петропавловская крепость» вошли широко известные повести и рассказы Татьяны Жариковой. Повесть, давшая название книге, рассказывает о юных годах Достоевского, о его участии в литературном кружке Панаевой, в который входили молодые Тургенев, Некрасов, Белинский, Панаев, Григорович и другие классики русской литературы. Подробно показаны деятельность кружка Петрашевского, арест молодых бунтарей, содержание в Петропавловской крепости, допросы, суд, который завершился известным приговором.

Содержание

Прозрение	5
Средь колосьев и трав	22
Письмо	37
Летний день	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Петропавловская крепость

Повести и рассказы

Татьяна Жарикова

© Татьяна Жарикова, 2016

ISBN 978-5-4483-3727-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прозрение

Рассказ

Людмиле Васильевне не хотелось ехать на вокзал, стоять в очереди за билетом. Вокзалы вызывали у нее неприятные воспоминания юности, когда приходилось часами париться в толпе у кассы, чуть ли не с боем пробиваться к окошечку. Она понимала, что те времена ушли, но все же, как представит себе эти вокзальные запахи, суету, от которых она давно отвыкла, так сразу портится настроение.

Ее муж, Кислов Сергей Викторович, владелец строительной фирмы, последние восемь лет возил ее в родные края на собственном джипе. Быстро добирались, уютно было в широкой машине. Они ездили в деревню отдыхать, проведать родителей, дня на два на три, на большее время дела не отпускали. Но на этот раз Сергей собрался в Тамбов по делам, решил открыть филиал своей фирмы в родном городе, запланировал много встреч. Людмила Васильевна знала, что все деловые встречи у строителей либо заканчиваются выпивкой, либо проходят за бутылкой, знала и давно уже не противилась этому, не ворчала на мужа, понимала, что это неизбежная дань удаче, которая подружилась с ее мужем с самого начала новой жизни. Что делать, если по-иному нельзя? После выпивок за рулем не посидишь, поэтому

выехали они из Москвы поездом тридцатого декабря всей семьей, взяли с собой четырнадцатилетнего сына Андрейку.

Новый год встретили в деревне у родителей мужа, куда добирались из Тамбова на такси. Снегу намело – страсть! Людмила Васильевна удивлялась: в Москве, на севере, снега почти нет, так, натрусило немного, а здесь, значительно южнее, не проехать. Деревня Тараканово, где вырос ее муж и где до сих пор жили его родители, была в восьмидесяти километрах от Тамбова. Большую часть пути проскочили в один миг по хорошему асфальтовому шоссе, потом свернули на проселочную дорогу, и таксист занервничал, начал проклинать себя за то, что согласился поехать в эту «Тьмутаракань». Бульдозер прочистил дорогу в одну колею, поднял с обеих сторон валы снега выше крыши «Волги», а объездов для встречных машин сделал мало, приходилось по километру сдавать назад, чтобы пропустить тех, что ехали в город. Андрейка сидел рядом с водителем, а они с мужем сзади. Сергей сначала ничего не отвечал на ругню таксиста. Когда машину подбросило на очередном ухабе и шофер заматерился злобно, муж вежливо попросил его не ругаться так грязно: он не один, но таксист, будто не слыша, а скорее всего нарочно, матюкнулся еще похабнее, тогда муж рывкнул на него коротко и начальственно:

– Заткнись!

– Что-о! – остановился таксист и повернулся к Сергею, сидевшему позади него.

«Зря он так!» – мелькнуло в голове у Людмилы Васильевне о таксисте. Она знала своего мужа.

– Кати давай да помалкивай! – строго приказал ему Сергей.

– Что-о! – снова повторил водитель злобно, решительно распахнул дверцу, резво выскочил в снег и открыл дверь машины со стороны мужа. – Выходите! Приехали!

Сергей внешне спокойно, неторопливо стал вылезать. Андрейка взялся за ручку, чтобы тоже выйти, но Людмила Васильевна схватила его сзади за воротник куртки и сказала тихо:

– Сиди... Отец сам справится...

Сергей вылез из машины и, выпрямляясь, снизу резко ударил водителя кулаком в челюсть так сильно, что тот кувыркнулся навзничь в сугроб и перелетел через него, застряв в глубоком снегу. А муж так же спокойно сел на водительское место и молча покатил вперед. Людмила Васильевна оглянулась. Таксист выбрался из снега и бежал за ними.

– Подожди его, не мучь! – попросила она.

– Пусть погрееется, прочистит мозги... А то урок не пойдет ему впрок!

Но минуты через три остановился, вышел из машины и стал ждать. Таксист подбежал, задыхаясь, и выдохнул с прежней злостью:

– Ты что делаешь, гад?!

Сергей достал из кармана пистолет. Был он таких внуши-

тельных размеров, что неопытный человек всегда принимал его за настоящий, а не газовый.

– Если ты произнесешь еще хоть слово, то у тебя будет большая дырка в затылке. Понял? Садись за руль и кати спокойно!

До самой деревни таксист не проронил ни слова. Сергей заплатил ему в два раза больше, чем договаривались в Тамбове, и по своей бывшей учительской привычке не удержался от нравоучения:

– Был бы подороже, еще больше заработал. Нервничать, болтать могут бабы... Старайся вырабатывать в себе мужские качества...

Людмила Васильевна заметила, с каким восхищением смотрит Андрейка на своего отца, и улыбнулась.

В этот приезд она намаялась, как никогда. После Нового года нужно было возвращаться в город, чтобы оттуда ехать к своим родителям в такую же отдаленную деревню. Снегу за три дня еще подвалило, замело единственную колею, которую за праздники не прочистили. Сергей нанял трактор с санями. По всей деревне искали древние тулупы, чтобы укрыть их. Дул морозный ветер.

– Все-таки зря на джипе не поехали. Я бы на нем, где хошь проскочил, – с горечью говорил муж, укутывая Людмилу Васильевну и сына в тулупы. – Поморожу я вас!

Забота мужа нежностью отдалась в душе, и она, храбрясь, ответила:

– Ой, как будто в первый раз. В детстве каждую неделю нас вот так возили в школу за двенадцать километров. И тулупов таких не было, а тем более норковой шубы... Не замерзнем! Доедем как-нибудь...

Сергей оставил ее у родителей, а сам уехал в Тамбов устраивать свои дела. Людмила Васильевна не отговаривала его, не ворчала, чтоб хоть на Новый год побыл с семьей: понимала, что в его делах, чуть расслабься, сразу пропадешь. Слишком много конкурентов.

В эту поездку она впервые поняла, оценила тот комфорт, в котором жила последние годы, благодаря своему мужу, не растерявшемуся в это смутное время. В своей деревне Людмила Васильевна встречалась со школьными подругами, которые остались жить здесь, разговаривала с матерью о тех, что разъехались по городам, ужасалась той бедности, даже нищете, в которой они жили, потеряв работу.

– Молись Богу, молись Богу, – говорила ей мать, – чтоб он дал здоровья мужу, чтоб не покидал он его в трудную минуту. И сама Сережу береги, угождай!

– Мама, хватит тебе! – останавливала ее Людмила Васильевна, как бы сердясь. – Им только начни угождать, на шею сядут и погонять будут... Вспомни, как он тебе не нравился, когда я замуж выходила? Вспомни, как отговаривала: квелий какой-то, квелий, худой, невзрачный! – притворно передразнила она мать. Разговор о муже, о его делах, слава Богу, что он не торговец, не спекулянт, дома строит, был при-

ятен Людмила Васильевне. И особенно было приятно, что односельчане обманулись, когда считали его не видным, жалели ее. Ей не удалось скрыть в деревне, что выходит она замуж не по любви, что ее жестоко обманул, бросил однокурсник, которого она любила, привозила в деревню, мечтала о свадьбе, и теперь выскакивает за первого попавшегося от горечи, назло бывшему своему любимому. Поэтому теперь она с удовольствием говорила о своей жизни с мужем, гордясь им, рассказывала, как они всей семьей ездили в Париж, в Италию, в Турцию, рассказывала с такими деталями, что по ним можно было заключить, что она вертит мужем, как хочет, что он любит ее без памяти. Она, действительно, была уверена, что Сергей ее любит так же, как любил в студенческую пору. Впрочем, Людмила Васильевна не ошибалась. Это было так. В частности, еще и поэтому она как бы выговаривала матери за прежнюю слепоту: – Вспомни, как все Сережу с обдристанным петушком сравнивала... Где они те орлы-то, на которых ты мне кивала?

– Дура была, дура... Кто бы знал, что он так раздобреет?... Да и тот твой орел, должно быть, высоко взлетел. Ноньча его время...

– Хватит, мам, хватит! – на этот раз, по-настоящему нахмуясь, оборвала Людмила Васильевна. – Не напоминай!

Мать обругала себя в мыслях: черт, видно, дернул за язык. Всегда рядом нечистый! Всегда в ненужную минуту высунется.

Перед отъездом из Тамбова Сергей все никак не мог доделать свои дела, в последний раз обговаривал все мелочи с будущими партнерами, потому попросил ее взять билет и подождать с сыном в ресторане на втором этаже вокзала. Как она поняла, дела у энергичного мужа шли хорошо: обо всем сумел договориться, все организовать, и не стала возражать ему, поехала с сыном на такси на вокзал. У кассы спокойно стояли в очереди человек пятнадцать. Ни толкотни, ни суеты. Но запах вокзальный был прежний, неприятный, душно-ватый. Они с сыном заняли очередь, и она поставила свою сумочку на широкий подоконник, расстегнула шубу и в этот момент услышала позади себя хриплый голос, почувствовала застарелую вонь перегара и помойки:

– Мадам...

Людмила Васильевна обернулась.

Перед ней в просительной позе стоял бомж. Был он небрит, худ, черен, с разодранной щекой, со слезящимися красными глазами, в старой грязной шапке с надорванным ухом, в каком-то немыслимо грязном пальто. «Как их на вокзал пускают! – с отвращением мелькнуло в ее голове. – Где милиция?»

– Мадам, подайте Христа ради рублей десять на билет... Не на что в деревню... – Он вдруг умолк, осекся, не договорив, как-то скукожился и начал поворачиваться, чтобы уйти, и тут Людмила Васильевна его узнала, похолодела, у нее невольно вырвалось из груди:

– Андрей, ты?!!

Он приостановился, но потом отвернулся и как мог быстро, шаркая подошвами старых кирзовых сапог, стал удаляться. Она кинула сыну:

– Андрейка, постой один, я сейчас! – схватила сумочку с подоконника и бросилась вслед за бомжем:

– Андрей, погоди!

Бомж не останавливался, семенил, шаркал по каменному полу вокзала. Она догнала, схватила его за рукав.

– Погоди! Это я, твоя Мила!

Он остановился, глянул на нее как-то ехидно и насмешливо и ухмыльнулся, проговорил нагло:

– Возьми стаканчик водочки... Душа горит, помираю!

Людмила Васильевна оглянулась по сторонам, увидела буфет в закутке, круглые высокие столы рядом с ним и повела туда бомжа. Взяла ему стакан водки, два жирных чебурека, а себе кофе.

Они стояли у стола. Он небольшими глотками отхлебывал из стакана водку, шумно, как бык, вздыхал и откусывал кусочек от чебурека, пачкая жиром и без того грязные пальцы. На них оглядывались, смотрели недоуменно, не понимая, что общего между чистой опрятной женщиной в богатой норковой шубе, с интеллигентным умным лицом и этим грязным вонючим бомжем. Его уже давно бы прогнали от стола, если бы не она. Бомж с каждым глотком оживал, веселел, все чаще поднимал глаза на Людмилу Васильевну,

которая только раз прикоснулась губами к стакану с жидким мутноватым кофе, по вкусу даже отдаленно не напоминающего этот напиток. Она смотрела на него, но видела перед собой не жалкого спившегося человека, а красивого парня, студента, однокурсника Андрея Сушкова. самого видного, самого умного, самого энергичного и веселого среди немногочисленных ребят филологического факультета педагогического института; было их, помнится, всего семь человек среди девятина девчонок. Андрей резко выделялся среди ребят. И как она была необыкновенно счастлива, как светилась вся изнутри, оттого что он выбрал среди стольких красавиц именно ее, полюбил, да полюбил. Не мог же он так искусно играть, тем более на глазах у всего курса, на глазах у тех девчонок, которые мечтали о нем, мечтали оказаться на ее месте. Это она точно знала. Особенно счастлива она была, радость распирала ее, и казалось, что у нее вырастали крылья, когда он брал ее на руки. А брал он ее на руки часто, любил на пляже, на берегу Цны заносить ее в воду на руках, любил бегать с ней по воде так, что вода бурлила и щекотала ее живот. Однажды в институте подхватил ее на руки и бегом по лестнице внес на четвертый этаж. Она притворно ругалась и стучала кулаком ему по спине. Ей нравились его крепкие плечи, мышцы. Она часто с восторгом сжимала их пальцами, а он нарочно напружинивал их, чтобы они казались крепче.

– Похож на Шварценеггера? – в шутку спрашивал он.

– Не-а, ты лучше и крепче! – радостно смеялась Мила.

В ее жизни, как считала она, все было предопределено: выйдет замуж за Андрея, распределиться вместе с ним в какую-нибудь деревню, он ведь тоже деревенский, будут работать учителями, потом Андрей станет директором школы, а если повезет, все у него будет получаться, то, возможно, через несколько лет его переведут в районо, дадут квартиру в районе, вырастят они детей, выучат, будут нянчить внуков. Все как у людей, у хороших людей! О свадьбе с ним она думала, как о деле решенном, хотя об этом они никогда не разговаривали. Это было как само собой разумеющееся. Получат диплом и распишутся, а может быть, распишутся перед получением диплома, чтобы распределиться в одно место. Однажды на майские праздники она привезла его в свою деревню, познакомить с родителями. Он поехал с ней с удовольствием. И там лунной ночью под сладострастные крики лягушек и томительное щелканье соловья она не устояла, не удержалась под его поцелуями, ласками, уступила ему на сеновале. Как она была счастлива в ту ночь, как кружилась голова от незнакомого томления, как она была сладостно оглушена всем происшедшем! В тот момент, если бы кто, имеющий право, приказал бы ей умереть за него, она без тени сомнения приняла бы любую смерть. И ей казалось, что она будет так счастлива с ним всю жизнь. Радостно было еще и из-за того, что он очень понравился родителям, особенно матери.

– Ох, орел, орел! – говорила мать с восхищением. – С таким ты не пропадешь!

Через полгода на последнем курсе Андрей вдруг стал суше с ней, уже не брал ее на руки, стал задумчивей. Иногда грубил. В те дни она забеременела.

– Делай аборт! – приказал он, узнав. – Ребенок нам сейчас ни к чему!

Она робко возражала, но он был непреклонен, даже обсуждать не хотел. А когда она сделала аборт и появилась в общежитии, осунувшаяся, похудевшая, тихая, он хмуро заговорил с ней, мол, поигрались и хватит, пора серьезно о жизни подумать. Дорожки их расходятся. Все!..

Чтобы не видеть ее, он ушел из общежития, снял комнату. Мила надеялась, что размолвка временна, что у него просто затмение. Это она виновата, что-то сделала не так, потому-то он повел с ней подобным образом. Он увидит, поймет, что не прав, и вернется к ней. Тогда подруги объяснили ей, почему Андрей бросил ее, что он завел роман с Алкой, толстушкой из третьей группы. Мать у нее возглавляет отдел в городском жилищном управлении, обещает прописать его в Тамбове, добиться квартиры. «Не такой он дурак, чтоб с тобой в деревню ехать!»

Узнав об этом, она отравилась таблетками, выпила три пачки снотворного. Но разве можно спокойно отравиться в общежитии, когда с тобой пять человек в одной комнате? Ее увезли в больницу. Чаше всех навещал ее там Сер-

гей Кислов, однокурсник, который год назад перешел с заочного отделения. Она видела его раньше, когда он приезжал на сессию сдавать экзамены, знала, что он работает плотником на стройке. Мила не обращала на него внимания, парень как парень, хотя некоторые подружки посмеивались, что и он положил на нее глаз. Она считала, что подруги шутят, но даже если это так, что он, Сергей, может значить рядом с Андреем. Сравнить нельзя.

Теперь Сергей часто приходил к ней в больницу, рассказывал о делах в институте, приносил апельсины, которые она любила, но не покупала никогда на свою небольшую стипендию, читал ей стихи, старался развеселить, отвести от мрачных мыслей. Однажды они гуляли по больничному двору, был март, солнце, дорожка оттаяла, очистилась ото льда, голые деревья чернели над грязным снегом, во всю чувствовалась весна. Мила взглянула на него и спросила откровенно, глядя ему в глаза:

– Ты любишь меня!

Она думала, что он смутится, залепечет что-то в ответ. Но Сергей не отвел взгляда, ответил просто и твердо:

– Да, выходи за меня замуж! – и улыбнулся, ожидая ответа.

– Но... ты же все знаешь, – залепетала и смутилась она от такого неожиданного поворота.

– Да, знаю. Ну и что? – как бы удивился он такому странному вопросу, который не может служить поводом для от-

рицательного ответа.

– Но я тебя... не люблю... – с трудом она выдавила из себя.

Сергей ответил опять просто и естественно, как о хорошо известном предмете.

– Верно, ты меня еще не знаешь, но если бы я тебе был неприятен, разве бы ты стала слушать меня, гулять со мной... Любовь ведь не возникает за один день, – улыбался он.

В тот миг Сергей показался ей таким прекрасным, таким сильным, уверенным, так любящим ее, что жалость к себе, дурочке, нежность к нему сдавили ее, и она зарыдала, прильнула к нему, говоря сквозь всхлипы:

– Я согласна... согласна...

Свадьбу играли в его деревне, в свою ехать было стыдно. Все знали о ее позоре.

Матери Сергей не понравился.

– Пескарь какой-то... – только и сказала она горько о нем перед свадьбой.

Все это быстро вспомнилось, пронеслось перед Людмилой Васильевной, когда она глядела на свою прежнюю страстную любовь. Почему прежнюю? Она все время его любила, вспоминала с тоской, как он жестоко кинул ее, но чаще вспоминала те счастливые дни, которые провели они вместе, сладкие мгновения, когда он носил ее на своих сильных руках. Она и сына назвала его именем, чтобы эти нежные зву-

ки не сходили с ее губ. Андрейка, Андрейка! Неужели этот бомж и есть тот самый Андрей? Тот самый Андрейка, за которого она готова была отдать свою жизнь? Да, и отдала бы, если бы ее не спасли!

Бомж окончательно пришел в себя, стал насмешливо смотреть на нее, держа чебурек в руке, лениво, как старая лошадь, двигая челюстями, и вдруг спросил:

– Ждешь, когда я рассказывать начну, как я дошел до жизни такой?

– Зачем? – спросила она в ответ. – Я и сама могу рассказать... Пил, чем дальше, тем больше. Ты и тогда рюмочки не чурался... С работы выгнали. Кому нужен пьяница? Жена тоже погнала, кто такого терпеть будет. Живешь теперь, где попало, чаще всего в канализации... Питаешься подаянием... Старо, как мир, – вздохнула она. – Не ты первый, не ты последний...

– Нет, не так, – качнул он головой, отрывая зубами кусок чебурека. – Хуже, хуже... Это ты виновата... Бог меня за тебя наказал...

– А как же, – усмехнулась она, – конечно, я виновата! Виновата, что послушалась тебя и сделала аборт, виновата, что не до конца отравилась... Умная бы тебя отравила, а я, дура, сама травиться кинулась...

– Но теперь-то у тебя, я гляжу, – он провел рукой сверху вниз, указывая на ее норковую шубу, – все о, кей!.. Ты, вроде, тогда за Серегу Кислова замуж вышла. Теперь, видать,

не с ним живешь?

– Почему это видать? Я уже пятнадцать лет Кислова...

– Неужели это он тебя так одел? – удивился, перестал жевать бомж. – Неужто выбился? Неужто депутат?

Людмиле Васильевне захотелось повернуться и уйти. Она чувствовала себя так, словно ее окатили холодной водой. Противна стала себе самой. До чего же она была слепа, глупа! Как она могла любить этого человека, для которого ничего на свете не существовало никогда, кроме собственного наслаждения. Но она почему-то задержалась у стола и сказала, сама не понимая, зачем говорит:

– Он строитель, он, если ты помнишь, пришел в институт со стройки. Распределились мы в деревню, два года учителями работали, потом его в райком комсомола взяли, оттуда в Москву направили учиться в Высшую комсомольскую школу. А там реформы... Сережа умница, работать любит...

– А ты? – глядел на нее бомж без всякого интереса.

– Я в деревне была учительницей, в районном городке – учительницей, и теперь в Москве – учительница... Учительницей и умру, другого мне не надо!.. А вот и Сережа! – увидела она мужа с такой радостью, нежностью, неожиданно охватившей ее, будто она не видела его года два. Еле сдержалась, чтобы не броситься навстречу.

Сергей в собольей шапке, в распахнутой дубленке так, что виден был темно-зеленый костюм с галстуком, шел уверенно, быстро, легко, спешил к ней, к сыну. За ним еле поспева-

ли двое таких же хорошо одетых мужчин, вероятно, проводжали его новые тамбовские партнеры. Сергей показался ей таким высоким, красивым, родным, что сердце захолонуло.

– Неужто это Серега Кислов? – разинул рот бомж.

– Стой здесь тихо, – сказала Людмила Васильевна с раздражением, доставая из сумочки сотенную бумажку, – а то он тебе... – она хотела сказать «крылья обрежет», но запнулась и быстро проговорила: – враз рога обломает!

Она протянула ему сто рублей, и вдруг ей очень захотелось, чтобы он оттолкнул ее руку, не взял у нее денег, захотелось так, что защемило сердце, но бывший Андрейка быстро схватил бумажку, скомкал и как-то воровато сунул в свой карман. Людмила Васильевна с каким-то непонятным облегчением шагнула навстречу мужу. Сергей увидел ее, широко и радостно улыбнулся, кинул взгляд в сторону буфета, бомжа, удивленно спросил:

– Кто это?

– Какой-то бомж! – легко ответила она. – Я кофе пила, а он пристал: дай десятку, пришлось дать!

– Ну и умница! – обнял ее за плечи Сергей. – Кофейку захотелось?

– Кофе тут такой противный, – прижалась он к нему нежно, и они пошли к кассе. – Андрейка сам билет берет, – сказала она.

Ночью в купе она тихо плакала на своей нижней полке, отвернувшись к стене, плакала легкими слезами. Ей казалось,

что она вернулась домой из какой-то далекой страны, где была в добровольной ссылке по собственной глупости, по какому-то непонятному капризу, из-за чего ее самые близкие и любящие ее люди, сын и муж, невинно страдали, и теперь ей страшно было жалко их, хотелось каяться перед ними, встать на колени, целовать их и каяться! «Господи, Господи! – повторяла она про себя. – Прости меня, простите все! Как я глупа, как глупа!»

10 января 2000 г.

Средь колосьев и трав

Рассказ

Иван Сергеевич Поздняков узнал, что у него рак, на другой день после посещения районной больницы. Медсестрой там работала односельчанка. Иван Сергеевич был ошеломлен, тоску почувствовал, отчаяние. Это же все! Каких-нибудь года два, от силы три – и каюк! А было-то ему не так уж много – пятьдесят восемь лет. «Ничего, пожил, походил по земле, хватит!.. Отец-то умер в сорок пять, а брата двадцатилетнего на войне убило. В сравнении с ними пожил много!» – успокаивал себя Иван Сергеевич.

С того дня, как узнал о своей болезни, Поздняков стал молчаливым. А раньше поговорить любил. После посевной Иван Сергеевич объявил председателю, что собирается уходить из механизаторов. Комбайн к уборке подготовит и все, в больницу ляжет. В столицу поедет. Больница, говорят, хорошая! Профессора лечат. Попасть туда трудно, но у сына, он живет в Москве, есть друг. А у друга друг – врач, работает в той больнице. Вот он-то и обещал устроить Ивана Сергеевича.

Поздняков подготовил комбайн к уборке, похлопал напоследок ладонью по тугому переднему колесу, попрощался и пошел домой, стараясь не оглядываться. Начинался, как

говорил Иван Сергеевич своим приятелям трактористам, новый этап в его жизни, последний. И оттого, что начинался не какой-то там пятый или десятый этап, а последний, было грустно и не хотелось такой новизны.

На другой день в полдень Поздняков отправился в столицу. Автобус почему-то не пришел, такое иногда случалось. Иван Сергеевич не стал ждать попутки на остановке, пошел пешком по дороге, рассуждая, догонит машина – подвезет, а нет, так доползет потихоньку к вечеру. До Березовки, где была железнодорожная станция, от Коростелей больше двадцати километров. Поздняков чувствовал себя пока хорошо. Только в груди побаливало и голос пропал, хриплым стал, чужим. Вчера был дождь, крупный. С грозой, но недолгий. Сухая пыль по обочинам дороги вся в ямочках, выбитых тяжелыми каплями. Иван Сергеевич бодро дошагал до Андреевского бугра и повернул в сторону от дороги. Решил срезать угол, пройти краем оврага, а потом по лесопосадке вновь выйти к дороге. Грейдер возле Андреевки делал крутой поворот и тянулся к Березовке напрямик. Поднявшись вдоль оврага на Андреевский бугор, Поздняков присел на траву и стал смотреть на Коростели. Деревня стояла удобно, в низине, на берегу двух речушек. Они сливались на окраине Коростелей. Берега обеих рек заросли высокими ветлами. Из-за зелени деревьев выглядывали шиферные крыши изб, а дальше, в сторону Чугреевки, на возвышенности неподалеку от коровника высилась водонапорная башня. И деревья,

и крыши домов, и водонапорная башня, и стадо коров, отдохавшее на берегу реки, и видневшиеся вдали соседние деревни, лесопосадка невдалеке – все плавало в горячем колеблющемся воздухе. Лес сажали вскоре после войны, весной. Трава тогда уже вовсю зеленела. Иван Сергеевич только что вернулся из армии. Девчат в деревне было много. Они так и вились вокруг. Жених! Но Поздняков жениховался недолго. В той лесопосадке он и сговорился со своей Марусей. Прожили они теперь вместе тридцать шесть лет. Сегодняшней весной внук Ивана Сергеевича Игорек, первоклассник, сын старшей дочери, притащил из лесопосадки охапку цветов сирени. Сирень там хороша! В Коростелях нигде больше такой нету. Белая сирень!..

Над Поздняковым, казалось, над самой головой, пел жаворонок. Но разглядеть его в вышине было невозможно, как ни всматривайся. За спиной еле слышно шелестело выколашивающееся зеленое поле пшеницы. Неподалеку от того места, где сидел Иван Сергеевич, в траве чернело большое пятно голой земли и были заметны заросшие следы трактора. Шрам на земле остался от солярки. «Теперь года три не зарастет! – с горечью подумал Иван Сергеевич. – А сколько я таких ожогов оставил?» Ему стало стыдно сидеть рядом со шрамом. Он поднялся и пошел дальше. По краю поля пшеницы росла трава: колючий осот, пырей, полевая гвоздика, синели васильки среди молодых стеблей пшеницы. Все это Иван Сергеевич видел тысячи раз, но никогда еще

не всматривался в них так пристально, никогда ему не были так дороги эти неброские цветы, никогда не казались такими милыми в своей простоте, никогда не был так приятен запах трав! Хорошо! Вспомнилось детство, вспомнилось, как взял его однажды в поле отец: ездил он за травой. Как необычно пахуча была скошенная и подсушенная на солнце трава! Как приятно было лежать на возу, слушать поскрипывание гарбы, смотреть на покачивающуюся внизу спину лошади и дышать пряным запахом травы. Как давно это было! И ведь сохранилось в памяти, удержалось! Значит, недаром было!

Врач, друг друга сына, сдержал свое слово, устроил Ивана Сергеевича в больницу. И стал его лечить. В палате с Поздняковым лежало четверо больных. Их тоже лечили, но болезнь у них была другая. Один говорил, что простудился сильно, оттого и грудь заболела, другой считал, что у него осложнение после гриппа, а третий рассказывал, как он поднял мешок картошки и в груди у него что-то оборвалось, голос пропал. Только четвертый, Николай Кондратьевич, в разговор не вступал, как-то брезгливо смотрел на тех, кто рассказывал о своей болезни, и насмешливо улыбался. Он почти все время лежал в постели, читал книгу или тоскливо смотрел в открытое окно. Иногда, задумавшись, он бормотал: «Тоска. Ну, тоска!» Бормотал тихо, но Ивану Сергеевичу было слышно. Кровати их стояли рядом.

Когда Позднякова в первый раз привели в палату и ука-

зали на свободную кровать, Николай Кондратьевич кинул на него брезгливый взгляд и отвернулся к окну. «Страдает малый! – сочувственно подумал Иван Сергеевич. – Ишь, холёный какой, а не уберёгся!»

Однажды на жестяной слив окна палаты сел голубь. Окно было открыто. Больные замерли, стараясь не спугнуть птицу. Голубь переступил с ноги на ногу, царапнул коготками по жести. Покачивая головой, внимательно разглядывал палату круглым глазом. Николай Кондратьевич лежал с книгой на кровати. Он осторожно опустил руку на пол, нащупал тапок и резко швырнул его в окно. Голубь присел, пригнув голову, сорвался с места и зашумел крыльями.

– Стерва!.. – выругался Николай Кондратьевич.

«Вот так интеллигент! – крикнул про себя Иван Сергеевич. – От тракториста такое не часто услышишь!» Поздняков почувствовал себя неудобно, будто бы это не Николай Кондратьевич, а он выругался при детях.

О своей болезни Иван Сергеевич не любил говорить, но когда у него спросил тот, что надорвался мешком с картошкой, что у него врачи нашли, ответил:

– Рак...

В палате сразу стало тихо. Даже Николай Кондратьевич повернулся к Позднякову, и в глазах у него появилось что-то новое, скорее не участие, а любопытство.

– Ну и как ты? – спросил он.

– Что как? – не понял Иван Сергеевич и извинительно

улыбнулся.

– Ну, чувствуешь себя? Болезнь-то знаменитая!

– Болит, – вздохнул Иван Сергеевич. – Вот тута болит, – пощупал он грудь ладонью.

– Ну, это понятно! А душа-то как? Душа на месте?

– А что душе-то? – улыбнулся Иван Сергеевич. – Душа на месте, что ей сделается!

Больные молчали, и молчали так, что чувствовалось, разговор этот им неприятен, но прервать Николая Кондратьевича не решались. Поздняков знал, что больные не любят того и почему-то побаиваются.

– Ну, как же! – Николай Кондратьевич начал раздражаться. – Ты уйдешь, а вот это все кругом, – он развел руки в стороны и потряс ими, – останется! Ветер будет листочки шевелить, – указал он на окно. – Голуби будут на окошко садиться! Баба твоя с другими будет любезничать! А тебя не будет, понимаешь, не будет! Не будет! Это ты понимаешь?

Николай Кондратьевич кричал, поднявшись над подушкой, и тряс головой. Ивану Сергеевичу стало жалко его, захотелось успокоить, но он не знал какие слова сказать. Будь на месте Николая Кондратьевича коростелевский мужик, он нашел бы слова, успокоил, а тут городской, начальник, видать, ляпнешь что-нибудь не так, обидется, и Поздняков молчал.

– Ну, дошло? – Николай Кондратьевич упал на подушку затылком, но продолжал смотреть на Ивана Сергеевича.

Поздняков решил, что он ждет ответа, и сказал, стараясь говорить как можно ласковей, чтобы не раздражать Николая Кондратьевича:

– Но другие-то будут...

– Другие... – засмеялся Николай Кондратьевич над глупостью Позднякова. – То другие, а тебя-то не будет! Тебя... вот этого-то, вот этого...

– Не будет, – ласково подтвердил Иван Сергеевич. – Когда-то помирать надо... Бессмертных-то нет...

– А-а! Что с тобой толковать! – устало отвернулся Николай Кондратьевич. Так он лежал несколько минут, потом снова взглянул на Позднякова, взглянул, как показалось тому, с любопытством и пробормотал, усмехнувшись: – Платон!

К вечеру, когда солнце ушло за высокий дом, Николай Кондратьевич, кряхтя, поднялся, взглянул на Ивана Сергеевича и сказал:

– Пойдем, что ль, разомнемся! Подышим!

Он начал одеваться, не глядя на Позднякова, будучи уверен, что тот тоже собирается.

Они вышли на улицу, и пошли по широкой заасфальтированной тропинке мимо пыльной кирпичной стены пятиэтажного больничного корпуса с правой стороны. Слева был сквер. Листья на деревьях еще по-весеннему свежи. Трава нежная, ярко-зеленая. Тихо. Слышно только, как лениво перебрасываются словами два парня, нагружая машину белы-

ми узлами простынь. Иван Сергеевич и Николай Кондратьевич шли молча, друг на друга не смотрели. Поздняков ждал, когда заговорит хмурый спутник. Ведь недаром же он пригласил его на прогулку.

– У меня тоже рак... – наконец заговорил Николай Кондратьевич. – И у соседей наших тоже, – добавил он, потом продолжил раздраженно: – И ведь знают, знают! И темнят, себя обмануть стараются! А толк-то, толк-то какой от этого!

– Может, им легче так... – тихо ответил Иван Сергеевич.

– Легче! – усмехнулся Николай Кондратьевич. – А что же ты?..

Он не договорил, но Поздняков его понял.

– Да срок, видать, пришел... Чего же маяться?

– Вот я и спросить у тебя хотел... Ты теперь знаешь, что жить осталось с гулькин нос, и тебе, я вижу, не страшно умирать... Срок, говоришь, пришел! Ну а жил-то ты зачем? Зачем жил-то?

– Как зачем? Жил, и все... Детей растил... Трое у меня! Внуки есть! Игорек в первый класс ходит... Работал... Землю пахал...

– Пахал! В том-то и дело, что всю жизнь пахал, а счастье, радость хоть видел? Знаешь хоть, что это такое?

– Счастье... – задумался Иван Сергеевич и вспомнил, как ждали они с женой первенца, как в том же году переехали в новую избу, вспомнил кудрявые серебристые ветлы возле калитки, желтое волнующееся поле, ровный стрекот комбай-

на... – А ты женатый? – спросил он, вспомнив, что к Николаю Кондратьевичу в больницу никто ни разу не приходил.

– Был... – буркнул тот, – Давно уж...

– Не ужились, значит... А у меня баба хорошая! И девки тоже ничего живут! А сын вообще, дай Бог каждому... тут он, в столице! В школе, директор...

– Сын, девки! А сам-то, сам-то был счастлив?

– А как же! Сын, говорю, директором! И девки дружно живут...

Сын Сергей почти каждый день навещал Позднякова. Часто приходил вместе с женой Ириной и шестилетней дочерью Светланой. Ира тоже работала учителем. Они были в отпуске и никуда не поехали, чтобы почаще бывать с отцом. Когда пришел срок Ивану Сергеевичу выписываться из больницы, Сергей привез его домой, привез на такси как генерала, прямо к подъезду. Поздняков после лечения чувствовал себя хорошо. Боль в груди рассосалась, успокоилась, лишь изредка напоминала о себе. «Поживу я еще! Поживу! – бодрился сам перед собой Иван Сергеевич. – Курносая потомится, ожидаючи!» Ира к их приезду приготовила стол. Поздняков, посмеиваясь, рассказал, как Николай Кондратьевич выпрашивал у него о счастье, как маялся. Видать, не сумел жизнь построить, хоть и при должности хорошей был, и бабы, говорит, его любили, а ослабел, навестить в больнице некому. Вот и начал томиться, зачем жил, да так ли жил?

– Спросил он у меня о счастье, – рассказывал Иван Сергеевич, – а я Марусю вспомнил, вас еще маленькими, вот такими, – прижал он к себе внучку. Она сидела рядом. – Избу, ветлу возле нее, деревню, поле... Нет, думаю, счастье не обошло меня, не обошло!

– Пап, – сказал Сергей, обнимая зачем-то Иру за плечи, – а ты знаешь, мы Светланке братика покупать собрались! К Новому году купим... Света ему уже имя придумала. Пусть, говорит, будет, как деда, Иван Сергеевич!

– Ну, внучка! Ах ты, озорница! Братца ей захотелось! – снова прижал к себе Поздняков Свету и заметил, что сноха покраснела, взглянула на Сергея с укором, зачем, мол, до времени говоришь. – А ты, дочка, не стесняйся! – обратился он к ней. – Это дело главное, тут стесняться нечего... Вам, я соображаю, нужно, раз такое дело, отдохнуть от духоты городской. Собирайтесь-ка вы к нам, в деревню!

– Пап, мы в Прибалтику хотели съездить, на море, – сказал Сергей.

– На море? Это тоже нужно... Только Светку я с вами не отпущу! Отдыхайте одни...

– Мы с Ирой тоже так думали, – продолжал обнимать жену за плечи Сергей. – Отвезти Свету в Коростели – и в Прибалтику. А оттуда за ней заедем...

– Не, вы езжайте одни, а Светку я с собой возьму! Обратно поедете, заберете. Нечего деньги туда-сюда катать!

– Пап, а как же ты... тебя самого везти!

– Ну, уж, вы меня совсем в калеки записали!.. Поедешь со мной, а? Свет? В деревне у нас просторно! Помнишь, как рыбу ловили, а? Ай, забыла?

– А удочка моя цела? – спросила девочка.

– А как же, ждет тебя не дождется! Соскучилась по тебе. Поедем, а?

Света посмотрела на отца, потом на мать, стараясь узнать, отпустят они ее или нет.

В Березовке на автобусной остановке Иван Сергеевич встретил соседа Федьку Чекмарева.

– Иван, ты! – растерялся Чекмарев, столкнувшись с Поздняковым. – Помолодел-то как! Гляди-ка, даже краска на щеках проступила. Вот так столица!

Поздняков в вагоне чисто выбрился и выглядел отдохнувшим, свежим. Соседу он сильно обрадовался, глаза повлажнели. Ему казалось, что год целый знакомого лица, кроме сына со снохой, не видел.

– А вы чо, небось, уж хоронить меня вздумали! – засмеялся он радостно и похвастался: – Сын так устроил, болезнь напрочь изгнали! Я еще попрыгаю!

– Вылечили? А говорят, нельзя...

– Говорят, курей доят... А ты не слушай, гляди на меня!

– Ну да! – удивился Чекмарев. – Я вижу!.. А это Сережкина, что ль? Внучка? – взглянул он на девочку.

– Сережкина, Светлана! Светлячок! – потрепал девочку по белесым волосам Иван Сергеевич.

- Большая какая! Вроде совсем недавно на руках была!
- Растут! Как трава растут! Это мы стареем...
- Ну да! – согласился Чекмарев.

В автобусе, когда подъезжали к Андреевке, Ивану Сергеевичу захотелось заглянуть на кладбище, показать внучке могилы прадедов. Может, запомнит? Шесть лет! Все должна запоминать. Да и могилку отца с матерью надо в порядок привести. За лето теперь там бурьян поднялся. Вырвать надо. Да и себе местечко приглядеть. Из Коростелей-то некогда будет на кладбище добираться.

– Федь! – обратился Иван Сергеевич к Чекмареву. – Ты, это самое, сумку Маруське не занесешь, а? Мы прогуляться хотели...

– Занесу...

– Маруське скажи, через час явимся... Пусть готовится внучку встретить!

Иван Сергеевич вылез из автобуса и ссадил Светлану. Двери скрипнули, закрылись за ними. Автобус заурчал и покатился дальше, а Поздняков с внучкой спустились с грейдера и пошли по узкой дороге по пшеничному полю. Иван Сергеевич держал девочку за руку. Солнце стояло высоко над Андреевским колхозным двором. Ветерок порывами шелестел спелыми колосьями, шевелил волосы на голове девочки. От поля шел хорошо знакомый аромат спелого хлеба.

- Чуешь? – радостно спросил Иван Сергеевич.
- Чую!

– А что ты чуешь?

– Птичка поет!

– А-а! – засмеялся Иван Сергеевич. – Это жаворонок. А я и не слышу.

– А ты что чуешь? – спросила Света.

– Хлебный дух чую! Ишь какой!

– Не, хлеб не так пахнет!

– Это печеный, что ль? Я вот об этом говорю, – указал он на поле. – Дыши, глубже дыши! Такого воздуха в столице нету!

На кладбище девочка притихла, крепко вцепилась в руку Позднякова. Он подвел ее к просторной оградке, где стояла четырехугольная серебристая пирамидка с крестом на вершине. С передней стороны пирамиды с овального фарфорового медальона смотрели отец и мать Ивана Сергеевича. Продолговатый холмик зарос травой. В дальних углах ограды росли два вишневых дерева. Спелые ягоды ярко блестели на солнце среди листьев.

– Видишь! – указал Иван Сергеевич на пирамидку. – Это мои папа с мамой.. Тут они отдыхают...

«Скоро я к ним приду! – подумал он. – Рядом лягу! Вот здесь!»

Светлана молча смотрела на фотокарточку. Иван Сергеевич вошел в ограду, нарвал горсть спелых вишен и подал притихшей внучке.

– Это тебе гостинец от прадедов. Ешь! А я бурьян вырву!

Поздняков очистил холмик от травы, сложил ее в кучу возле ограды, постоял молча рядом с могилой родителей и повел внучку к выходу.

– Пошли прямо по полю, а? – спросил он у девочки, когда они вышли.

– Пойдем...

Девочка сразу повеселела и начала есть вишни. На кладбище она не притронулась ни к одной. Спелые стебли пшеницы шуршали, хрупали под ногами. Год урожайный. «Сяду-ка я снова на комбайн! – подумал Иван Сергеевич. – Как же это так! Люди будут работать, а я в стороне. Нет, не годится!.. Какой же это будет сезон у меня? Сколько же я урожаев собрал? С сорок девятого, почитай, с комбайна не сходил. Вот если бы все зерно, какое я намолотил, в кучу собрать, высокая гора будет! Поместится на элеваторе иль нет? Работал я справно!.. А если из муки того зерна хлеб испечь? Можно ли всю страну день прокормить, а? Хватит? Ну, если не на день, так на раз-то обязательно хватит!.. Нет, Николай Кондратьевич, не зря я жил! Шутка ли, всю страну накормить!»

Вышли к оврагу скоро, и сразу внизу открылись Коростели.

– Вот мы и дома! – радостно сказал Иван Сергеевич и остановился. – Давай отдохнем?

Поздняков прилег на траву на краю поля, жадно вдыхая сладкий запах родной земли.

– Я бабушке синих цветов нарву! – сказала Света. – Их

тут много...

– Рви, рви!.. А ты знаешь, как их зовут?

– Не-а..

– Васильки!

«Завтра приду сюда с косой, обкошу! Трава добрая... потому возьму лошадь, захвачу с собой Игорька, Свету, накладем воз и поедем! Пусть дышат запахом скошенной травы, слушают скрип гарбы. Может, и им на всю жизнь в душу упадет! Мне-то запало!» Иван Сергеевич растянулся на траве. Он лежал, слушал, как внучка напевает, собирая цветы: «Васильки! Васильки! Васильки!» – смотрел на седые неподвижные облака, разбросанные по небу, на Коростели и думал: «Хорошо-то как, а? Хорошо!..»

Письмо

Рассказ

Письмо старуха получила в полдень.

Она сажала лук на огороде, остановилась передохнуть и увидела на дороге, пересекающей луг, почтальона Федора Ефимовича Панова. Он сидел на краю телеги, поминутно нырявшей колесами в ухабы весенней дороги, разбитой тракторами, сидел, как всегда, ссутулившись и свесив ноги. Лошадь его покачивала головой в такт шагам. Старуха писем не ждала. От Володи, сына, открытка вчера была: с Первомаем поздравил, обещался быть со всей семьей. Завтра непременно прикатит...

Старуха удобнее взялась за гладкую, отшлифованную ладонями ручку оралки, уперлась ногами в землю, дернула на себя, попятилась и снова дернула. Оралка, поскрипывая, двигалась рывками, железные зубья чертили в мягкой земле три мелкие бороздки. Старуха, пятясь, дотянула до межи, взяла миску с золотистыми луковицами, наклонилась над бороздками и стала втыкать саженцы в землю. Из-за реки доносился спокойный, деловитый рокот трактора. Там, на колхозном поле, сеяли ячмень.

— Маруська! — услышала она голос Федора Ефимовича и с усилием выпрямилась, держа руку за поясницу.

Панов стоял у крыльца, ждал ее.

«Чего это он? Ай, письмо? Неужто не придет?» – подумала старуха о сыне.

Она пошла с миской в руке быстрым шагом по меже к избе. Старуха была худая, легкая, быстрая в движениях.

– Ты чой-та, Федор? Ай, письмо? – спросила она еще издали

– Письмо...

– От Володи, что ли? Он сам приехать должен...

– Да нет, не от Володи, – поглядел на конверт Федор Ефимович. – Это из Курской области...

– Откуда? – удивилась старуха и решила, что почтальон ошибся. – Это не мне! – сказала она, повеселев.

– Тебе! Смотри. – Федор Ефимович ткнул пальцем в адрес на конверте. – Лукашовой Марии Игнатьевне... Значит, тебе! Бери! – протянул он конверт.

– Кто же меня там знает, – пробормотала старуха и стала, щурясь, вглядываться в слова, но буквы сливались, словно смотрела она на конверт сквозь мятый целлофановый пакет.

– Прочти, Федор, – попросила она. – Ничего не вижу!

Почтальон взял письмо, потрогал рукой деревянную ступеньку крыльца, не холодна ли? Доска была теплая, нагрелась на солнце. Он сел, покряхтивая.

– Ноги мощнуют, – пожаловался Федор Ефимович, распечатывая конверт. – Дожжок будет...

– Погодил бы малость... Землю бы дал обиходить... Поля

не засеяны...

— Кончают... — ответил Федор Ефимович. — Может, сегодня добьют. Ишь, как стараются, — кивнул он в сторону речки, откуда по-прежнему доносился ровный гул моторов. — Последнее поле... Завтра председатель в район докладать собирается. Это раньше, помнишь, посевная долго шла, а теперь техника, три дня, и отсеялись. — Почтальон вытащил листок из конверта, расправил. — Здравствуйте, уважаемая Мария Игнатьевна! — прочитал он. — Ну вот, говорю — тебе!

Старуха кивнула, соглашаясь. Она стояла перед почтальоном с миской в руке, перебирала пальцами нежно шуршащие сухой кожей луковицы.

— Пишут вам супруги Григорьевы, Миша и Вера! Мы надеемся, что вы живы и здоровы, хотя, думаем, что вам сейчас много лет...

— Кто же они такие? — пробормотала старуха.

— Сейчас узнаем, не торопи!.. — сказал Федор Ефимович и начал читать дальше: — Может быть, у вас сейчас и фамилия другая, но мы послали письмо и в ваш сельсовет, чтобы нам помогли разыскать вас... Мы недавно поженились, и наш колхоз дал нам квартиру в новом доме. Мы решили посадить под окнами березки...

Старуха слушала внимательно, не понимая, зачем Григорьевы рассказывают ей это, но с самого начала она почувствовала неясное беспокойство.

— ...Выкапывали мы их в лесочке, где во время войны

был сильный бой за нашу деревню, и случайно наткнулись на останки погибшего советского бойца. Мы нашли медальон, в котором была бумажка с его именем и адресом...

– Погоди, Федор, погоди!.. – прошептала старуха. – Ноги чой-та ослабли...

Она поставила миску на ступеньку, но осталась стоять, вытирая дрожащие руки о фартук.

– ...Это был ваш муж, Лукашов Сергей Матвеевич...

– Федор, Федор! – вскрикнула старуха тонко и жалобно и стала оседать на землю.

Почтальон подхватил ее под мышки. Старуха повисла на нем и запричитала протяжно и тонко: «Сереженька, соловушка ты мой!...»

– Маруська, ты что? – похлопывал ее ладонью по плечу Федор Ефимович, усаживая на ступеньку. – Ты что? Сорок лет прошло... Ты что? Будя...

Старуха замолчала, а Федор Ефимович подумал, что Сергей плясать был мастак, а вот петь не пел, а она его соловушкой.

– Дальше там что, а? – тихо спросила старуха, вытирая лицо фартуком.

Она теперь сидела на месте Федора Ефимовича, а он стоял перед ней с листком в руке.

– ...Мы в тот же день сообщили в военкомат. 9 Мая, в День Победы его будут хоронить в братской могиле возле памятника погибшим воинам за освобождение нашей дерев-

ни. В похоронах будет участвовать воинская часть, в которой воевал ваш муж, пионерская организация нашей школы. Мы и все односельчане приглашаем вас, жену и друга бойца, быть рядом с нами в эти скорбные и торжественные минуты...» Хорошо пишут, – прервал себя Федор Ефимович. – Душевно! – и дочитал письмо до конца.

– Ну, вот и дождалась! – вздохнула старуха.

– Я тебе сорок лет назад говорил... зря такие извещения не приходят... Послушала б... По-иному...

– По-иному, по-иному, Федор... Не могло быть по-иному... – Старуха поднялась, взяла письмо. – Завтра Володя будет...

Федор Ефимович уехал. Старуха вошла в избу, взяла с подоконника очки, села у окна и стала медленно перечитывать письмо, крепко прижимая дрожащую руку к груди, чтобы успокоить сердце. Она представляла молодоженов Григорьевых возле нового кирпичного дома, коростелевский колхоз тоже строил такие дома молодым семьям, видела лесок с березками по краям заросших воронок... Старуха дочитала, сняла очки. Сидеть на одном месте было трудно. Она поднялась, походила по избе, остановилась возле шифоньера, где в нижнем ящике среди документов лежало извещение сорок третьего года. Старуха не решилась достать извещение, вышла на крыльцо, шумно вдыхая влажный весенний воздух, увидела миску с луком-саженцем на ступеньке порога, машинально подняла ее, постояла, унимая дрожь в ногах,

и побрела на огород, думая о письме, о курских молодоженах Григорьевых, о муже. Вот и дождалась!

Старуха вылавливала из миски сухо шуршащие луковицы и втыкала в подсохшие борозды. Ноги у нее ослабли, и она опустила на колени. Солнце жгло спину. Становилось жарко...

Двадцать второго июня сорок первого года тоже пекло солнце, и тоже было жарко. В тот день она с двумя подругами была на колхозном току. Они срезали острыми лезвиями лопат пробившуюся кое-где траву на утопанной площадке тока, подметали, убирали мусор. Работали неспешно, копили силы. Начнется уборка, некогда будет беречь себя.

– Не упарились еще? – крикнул им Федька Панов от веялки, которую он вместе с мужем Маруси Сергеем Лукашовым смазывал-подкручивал неподалеку, готовил к уборочной. – А то искупаемся!.. Пока ребята воду не взмутили!

От речки доносился шумный плеск воды, то и дело раздавались радостные вскрики, шум. На берегу в траве лежали полуголые ребятишки.

– Во-он председатель катит! – засмеялась в ответ Маруся, указывая на дорогу, по которой ходко приближалась рессорная телега. – Он тебя враз искупает!

Председатель подкатил к веялке, сказал что-то, не слезая с телеги, и дернул за вожжи. Лошадь скосила голову набок, развернулась и побежала по дороге к конюшне.

– Слышали! – крикнул Федька. – Собрание сегодня. Уполномоченный с района придет...

– Чего это он?

– Как чо? Накачку перед уборочной делать. Положено!

На собрание народу собралось много. Едва стемнело, как все скамейки в клубе были заняты. Сидели, разговаривали, смеялись, плевали на пол подсолнечную шелуху. Ни радио, ни электричества в Коростелях не было. Никто не знал, что уже почти сутки идет война.

Уполномоченный задерживался. В распахнутую дверь залетали звуки гармошки, слышались озорные припевки парней. Переливы гармонии приблизились. Федька Панов вошел в клуб, играя на ходу. За ним гурьбой втянулись девки и парни. Федька сдвинул меха и гаркнул в наступившей тишине:

– Чего расселись! Освобождай площадь! Плясать будем! Председатель надул вас!

Парни зашумели, поддерживая его. Мужики и бабы, истомившиеся в ожидании, охотно поднимались, расставляли скамейки вдоль стен. Председатель погрозил кулаком Федьке и крикнул, перекрывая шум:

– Я тебе побулгачу народ!

Но сам стал помогать оттаскивать стол с красной скатертью к стене. Довольный Федька Панов устроился у окна, чтоб чуб из форточки ветерком обдувало, приладил гармонь на коленях и для разминки заиграл вальс «На сопках Маньчжурии».

Часто вспоминала тот вечер Маруся Лукашова, по-разному вспоминала: плакала – вспоминала, с грустью – вспоминала и со счастьем тоже... Как она тогда веселилась, как плясала, как пела! Будто шепнул кто: последний это твой вечерок, отпляши, отрадуйся навсегда! Как ловко выплясывали они вдвоем с мужем! Как дивно выстукивали каблуки! Как сгибались-охлали под ногами половицы! Как подрагивал в такт язычок пламени в керосиновой лампе под потолком! Маруся в угаре пляски радостно ловила на себе восхищенные взгляды мужа, видела, как поглаживал усы довольный свекор, когда все плясуны отпали, а они с Сережей остались в кругу вдвоем. Федька напоследок яростно рванул гармонь, резко сдвинул меха и умолк, встряхивая онемевшими пальцами. Маруся не успела отдышаться, как он снова заиграл плясовую, на этот раз «Елецкого». Она снова в круг и с ходу частушку, взглядывая радостно на мужа:

*«Двести сорок песен знаю,
Все сейчас перепою.
В каждой песне, в каждой строчке
О миленке я пою!»*

Шура, подружка, поддержала ее, выскочила следом, размахивая платочком:

«Сколько раз я зарекалась

*Под гармошку песни петь.
Как гармошка заиграет,
Разве сердцу утерпеть?»*

Потом Маруся с Сережей выскочили на улицу. Темень! Едва отошли от клуба, муж подхватил ее на руки и побежал по лугу к избе. Она смеялась, дышала ему в плечо:

– Упадешь, уронишь!

– Да я тебя... как вазу хрустальную...

Ночевали они в сарае на свежевыхошем сене. Возле двери она остановила его:

– погоди!

Прислушались. Изба серела соломенной крышей, темнела окнами. Было тихо.

– Спит, – опустил ее на ноги Сережа.

Он имел в виду пятилетнего сына Вовку, с которым дома была свекровь. Сережа потянул на себя заскрипевшую дверь. Из сарая густо и пряно дохнуло запахом сухой травы. Они, смеясь, мешая друг другу, полезли наверх, зашуршали сеном...

Они не слышали, как смех и шум возле клуба утихли, как над деревней разом нависла тишина, даже собаки умолкли. Не слышали тревожно приглушенных голосов людей, заторопившихся домой после короткого собрания. Уполномоченный все-таки приехал. Резко в тишине громыхнула дверь сарая. Они испуганно оторвались друг от друга.

– Кто там! – сердито крикнул Сережа.

– Сынок! Война!!!

Старуха воткнула в борозду последнюю луковицу, поднялась, упираясь в землю руками, отряхнула колени сухими дрожащими пальцами, перевернула грабли зубцами вверх и начала тыльной стороной заглаживать борозды, засыпать луковицы, разбивая податливые комочки земли. Голова кружилась. Старуха не замечала, что по щекам ее текут и текут слезы. Закончила, бросила грабли на межу и застыла на месте, вспоминая, как духовито пахло сено в ту ночь, больше никогда оно так остро и сладко не пахло!.. Старуха взялась за ручку оралки, утвердилась ногами в мягкой земле и дернула. Оралка скрипнула, но осталась на месте. Старуха дернула еще раз. Земля качнулась, закружилась под ногами. Старуха сдалась, выпустила ручку и присела на фуфайку на меже. В ладонь ей ткнулся пучок сухой прошлогодней травы. Старуха сорвала его, понюхала. Сено пахло землей, сыростью. Больше ничем. Старуха бросила его на землю, взяла фуфайку и побрела по меже к избе. Завтра приедут Володя со снохой и внуком. Вчетвером они враз с огородом управятся.

Брела старуха медленно, постанывая, тропинки на меже не видела, оступалась, цеплялась ногами за жесткие прошлогодние стебли полыни и думала: «Продуло, что ль, ветерком?... Жар, видать... не слечь бы...» И в то же время в го-

лове крутились слова: «Вот и дождалась! Вот и дождалась! Нельзя сейчас хворать! – стонала старуха. – Сережу хоронить надо...» Она, держась за столб крыльца, пошла по ступеням, тяжело, с усилием поднимая ноги, словно выдергивая их из липкой грязи, и зашаркала по полу к двери. В избе села на табуретку, положила руки на прохладную клеенку стола и стала ждать, когда уймется дрожь в теле. Потом вытащила из шифоньера сверток с документами, отыскала старый желтый почтовый бланк, на котором бледными чернилами было написано, что ее муж Лукашов Сергей Матвеевич, 1915 года рождения, пропал без вести 1 августа 1943 года. Эти слова она помнила наизусть.

Получила извещение Маруся Лукашова в середине августа. Помнится, уборка была, дни горячие: трудная пора! На минутку забежала домой пообедать. Ток рядом, через луг. Семилетний Вовка, увидев мать на лугу, нырнул в сени наливать квас из чугуна в миску. Огурцы, лук зеленый и вареное яйцо он, как всегда, загодя нарезал и ждал мать возле избы в песке, который сам натаскал бидончиком от речки, возил рукой по песку деревянный брусочек, дырдыкал, воображая себя трактористом.

Когда Маруся вошла в избу, миска с квасом стояла на столе, а Вовка пытался резать твердый хлеб.

– Нож совсем тупой, – сказал он. – Точить надо...

Маруся хотела сказать, что не нож тупой, а он слаб еще, хлеб черствый, сил не хватает отрезать, но вспомнила, что

Вовка сердится, когда она говорит, что он маленький, взяла нож и потрогала пальцем лезвие:

– Дядю Ваньку попрошу, поточит...

Дядя Ванька – сосед, старый человек. От избы своей он давно не отходит, обезножил, еле передвигается.

– Надо... – вздохнул Вовка. – Схожу к вечерку...

– Я сама сбегая, вернусь с тока...

– Не колготись! – перебил Вовка. – Мне с ним поговорить надо... Он газету читает...

Днем мальчик был строгим, говорил с матерью деловито, часто хмурился, и только по вечерам, в постели, прижавшись к матери, он снова становился ребенком, представлял-фантазировал, как отец бьет фашистов, как скоро вернется победителем и станет в колхозе председателем, а он, Вовка, подрастет, выучится на тракториста, будет пахать землю, а мать будет носить ему в поле обед. Так Вова фантазировал вечерами, а днем у него был озабоченный вид, дел много: воду из речки носить бидончиком, картошку поливать, чтобы было что есть зимой: сухой навоз таскать от конюшни, печку топить зимой, чтоб тепло было. Днем семилетний Вовка – хозяин. Мать кормит страну, обессиленную в борьбе с фашистами, он кормит семью. За столом Вовка сидел у окна, на месте отца. Мать напротив, на своем обычном месте, поближе к суднику.

– Хорош квасок, – похвалила Маруся, черпая деревянной ложкой из чашки.

– Ты погуще бери, со дна, – ответил Вовка. – Веялку ворочать каково...

Маруся послушно достала со дна миски кусочки яичного белка и картошки. Мальчик одобрительно кивнул.

Маруся видела в окно, как из-за густого куста акации возле дяди Ванькиной избы вышла девочка Клавка-почтальонка и повернула к их избе. Походка у нее была нерешительная, виноватая, а лицо строгое. Маруся застыла, осторожно опустила ложку на стол и кинулась к двери.

– Мам, ты куда? – крикнул сердито Вовка.

Маруся выскочила на порог и остановилась. Клавка сунула руку в сумку и вытащила желтый бланк. Маруся сжала руками горло. Клавка протянула ей бланк, повернулась и скрылась за углом. Почерк на бланке торопливый, чужой.

– Во-ва-а! – взвыла Маруся и испугалась своего крика, сунула бланк за пазуху, чтобы не увидел сын. Ноги у нее подломились. Она упала на землю и стала царапать пыль.

Вовка выскочил на улицу.

– Ой, Вова-а! – зарыдала Маруся. Она сидела в пыли и раскачивалась. – Ой, упала... Ногу, ногу свихнула. Ой, как больно!..

Вовка испугался, заревел, кинулся к ней. Она прижала его к себе. От теплого вздрагивающего тела сына становилось легче. Маруся стонала, вытирая ладонью мокрые щеки сына, и думала, что два месяца назад Шура, подруга ее, похоронку на мужа получила, а у дяди Ваньки оба сына пропали, потом

один письмо прислал, в окружении был, сейчас воюет.

Они вернулись в избу, сели за стол. Маруся ела, а слезы текли по ее щекам, падали на руки, на платье. Двадцать восемь коростелевских мужиков убито, дядя Ванька подсчитал. Сережа двадцать девятым будет. Не может этого быть!

Старуха лежала на кровати за печью, вспоминала, как работала в тот день на току, крутила барабан веялки без отдыха, нарочно бралась за тяжелую работу, чтобы забыться, успокоить горе, вспоминала, как, услышав частушку: «Пишет милый с фронта письма, в них вопросы новые: – Чем ты фронту помогаешь в эти дни суровые?», которую спела одна из девчонок, отдохавших неподалеку на ворохе ржи, повисла на ручке веялки, забилась в истерике, а потом упала в обморок. Горе вышло наружу, стало известно всем...

Слезы стекали на подушку по глубоким морщинам на лице старухи. Она вспоминала, как той же осенью, когда она измученная пришла вечером с поля, где пахала на быках, в избу постучался Федор Панов, нынешний почтальон, а тогда он, вернувшись в деревню с перебитыми ногами, был бригадиром, вошел, сел на краешек табуретки и, пряча глаза и путаясь в словах, заговорил о совместной жизни. Жалко было смотреть, как он, когда-то лихой гармонист, горько улыбаясь, рассматривая носки своих фронтовых сапог, поднимался потом с табуретки, как, ссутулившись, переступал порог, выходя из избы.

Снова осмелился заговорить с ней Федор только после по-

беды, когда все коростелевские мужики, которым суждено было вернуться, вернулись. Предлагал и потом, перед своей свадьбой, говорил: пусть только намекнет, все отменит, отметет. Предлагал и когда овдовел... Было это недавно, лет пять назад. Ждала ли она Сережу? Или людей смешить не хотелось, как объяснила Федору Ефимовичу? Кто знает? «Дождалася! Дождалася!» – думала старуха, не замечая слез. Вскоре она забылась, уснула.

Разбудил ее шум в избе. Она испуганно повернулась к двери и увидела Сережку, семнадцатилетнего внука. Вслед за ним, пригнувшись под притолокой, входил улыбающийся Володя с сумками, за ним, в сенях, виднелась Зина, сноха.

– Не ждали тут нас, видать! – улыбался, шумно говорил Володя, поднимая сумки на скамейку. – Заболела?

– Я и вправду не ждала, думала, завтра... – засуетилась старуха. – Умаялась, вздремнула...

Сноха обняла ее, поцеловала и сказала:

– Мы собирались завтра, а потом решили...

– Как вы добрались-то? Дорога-то плохая... Автобус не ходит!

– Добрались! На попутке, – ответил Володя. – А ну, сынок, распаковывай баулы, доставай гостинцы! Будем бабушку угощать!

– Ой, вы с дороги, а у меня не приготовлено ничего... Счас я, счас!..

– Ничего, бабушка, у нас тут всего полно! – Сережа

расстегнул «молнию» сумки, вытащил сверток и бухнул на стол. — А это что? — взял он со стола письмо.

Старуха в суете встречи забыла о письме, увидев его в руке внука, вскрикнула:

— Ой, Володя, Сережа нашелся!

Володя взглянул на сына и сказал недоуменно:

— А он и не пропадал...

— Сережа — отец твой!

— Нашелся? — растерялся Володя. — Как? Живой? — Он схватил письмо, окинул его одним взглядом, крепко провел ладонью по лбу и начал читать вслух.

Старуха слушала, кивала, словно соглашалась с тем, о чем говорилось в письме, и вытирала концом платка мокрые щеки.

— А далеко это? — спросила старуха, когда сын кончил читать.

Володя подумал, тихо ответил:

— За день доберемся...

Летний день

Рассказ

На бугре за поворотом показался голубой самосвал. Валя слетела вниз к речке вслед за ребятами и присела в высокой траве на берегу. Испуганная лягушка шлепнулась в воду и тут же вынырнула неподалеку, распласталась на поверхности и замерла. Миша запустил в нее грязью, и она исчезла.

– Тише ты! – прошипел на него Юра.

Машина прокатилась по мосту, прогибая колесами доски. Пыль обильно сыпалась в щели, висела в воздухе. На берегу рядом с ребятами упал пучок травы. Видно, кто-то выкинул его из кабины.

Миша первый сообразил, что это горох, и кинулся к нему.

– Чур, мой!

Ребята быстро разодрали пучок на части. Вылезли на мост и стали искать среди листьев стручки. Но тот, кто выбросил, выбрал все до единого. Ребята разочарованно побросали гороховые стебли в кусты.

– Пошли за горохом? – предложил Миша.

Валя с Юрой замялись. Гороховое поле было за лесопосадкой, возле оврага. Так далеко они еще никогда не уходили из деревни.

– Далеко!

— Где же далеко! Мы с папой оттуда за пять минут на лошади доехали... — начал уговаривать Миша. — Мы там траву косили!

— То на лошади...

— А мы бегом! Я быстрее лошади бегаю...

— Не ври! Лошадь, кого хочешь, обгонит.

Миша спорить не стал.

— Если не хотите, я один пойду! — поднялся он, делая вид, что собирается идти один. — Только — чур! — потом не просить! Ни горошинки не дам!

Юра с Валец переглянулись и тоже поднялись. Миша решительно зашлепал босыми ногами по пыльной дороге.

— погоди! — остановил его Юра. — Пошли по берегу, а то на дороге нас объездчик увидит!

Миша вернулся. Он вспомнил, как его вчера тетя Катя, соседка, выгнала из сада объездчика дяди Васи, и подумал, что она теперь все рассказала ему. Ребята спустились к воде и пошли вдоль обрыва.

— А зачем дядя Вася вечером к вам приезжал? — спросил Миша у Вали. — Он обо мне ничего не говорил?

— Не знаю... Я спряталась...

— Она его боится, — сказал Юра.

— Не боюсь... кто тебе сказал?

— Я сам слышал!.. Твоя мать дяде Васе говорила... Я вечером рыбу ловил на речке, а они за водой приходили и на берегу об отце твоём разговаривали. Мать сказала: если бы ты

дядю Васю не боялась, было бы хорошо, а так ничего не получится...

– Что не получится? – спросил Миша.

– Не знаю, – передернул плечами Юра.

– А чего ты его боишься? – повернулся Миша к Вале.

– Да-а... он страшный... нога деревянная, и лицо вон какое...

– Ну и что? Это шрам... а ногу у него в больнице отрезали, – сказал Юра.

– У нас в Уварове тоже у одного ногу отрезали, а он протез купил: на мотоцикле скачет, ни за что не догадаешься, что у него ноги нет! – рассказал Миша. Он жил в районном центре, а летом отец привозил его к бабке в деревню.

– А у дяди Васи деревяшка... – сказала Валя.

– У него тоже протез есть, с ботинком... Я видел, – оглянулся на девочку Юра.

– А почему он один живет? – спросил Миша.

– Он с тетей Ниной жил, и девочка у них была. Дядя Вася на машине ездил, и она перевернулась. Тетю Нину с девочкой похоронили, а дядя Вася объездчиком стал и от людей стал прятаться... Это папа говорил, – объяснил Юра.

Ребята перебежали по полю в овраг и направились по тропинке, протоптанной коровами и овцами. Шли долго. Миша изредка выскакивал на берег оврага и смотрел, – далеко ли до лесопосадки.

– Еще чуть-чуть! – говорил он ребятам, сбежав вниз.

Наконец дошли до лесопосадки. За ней стелилось гороховое поле. Оно уже начало желтеть, только кое-где виднелись зеленые плешины.

– Как будем рвать? – шепотом спросил Юра. – С травой или одни стручки?

– Стручки! – ответил Миша.

– Так долго... А вдруг дядя Вася...

– Валька, ты будешь сторожить! – скомандовал Миша. – Следи во-он за той дорогой, – указал он на поворот возле оврага, – и за лесопосадкой. А то дядя Вася выскочит, мы и не увидим!

– Я тоже хочу горох, – обиделась Валя.

– Мы тебе дадим! Не бойся! Только смотри, не прогляди!

Миша двинулся на поле. С краю горох начал созревать, желтеть, а зеленый вкуснее, сочнее, и ребята побежали дальше, туда, где была зеленая плешина.

Валя смотрела из-за куста то на дорогу, то на ребят. Они присели и торопливо набирали стручки за пазухи. Вале было страшно. Хотелось к ребятам. «А если Мишка обманет – ничего не даст? – думала она. – Или самый плохой выберет!» Валя вспомнила, как вчера он обещал зайти за ней купаться на речку и не зашел, убежал с ребятами, а она напрасно ждала его дома... На дороге никого не было видно, и Валя побежала к ребятам.

– Ты чего? – сердито спросил у нее Юра

– Там никого нет...

– Пусть рвет, только быстрее! – сказал Миша.

Валя начала выбирать стручки и совать их за пазуху.

– Ты снизу гляди, – подсказал Юра. – Они внизу висят!

Прохладные крепкие стручки приятно щекотали кожу, терлись друг о друга, поскрипывали. Майка на животе постепенно отдувалась, тяжелела.

– Ребята! – испуганно шепнул Юра.

Сквозь деревья лесопосадки было видно, как по ту сторону неторопливо бежала лошадь. На телеге сидел человек.

– Дядя Вася! – бухнулся на землю Миша. – Ложитесь!

Ребята скрылись среди гороховых стеблей. Валя начала дрожать от страха. Захотелось плакать.

– Это все ты! – сердито взглянул на девочку Миша. – Говорил, сторожи!

– Да-а! А как же я там одна... – всхлипнула Валя. – Он меня...

– Он нас видел! – зашептал Юра. – Смотрите, как скачет! От оврага отрезать хочет... Давайте в овраг! Там он нас не поймает!

Юра вскочил и помчался по полю к оврагу. Миша с Валею за ним. Бежать по густым сплетенным стеблям гороха трудно. Валя на бегу придерживала отдувшуюся спереди майку. Стручки метались за пазухой, царапали кожу, выскакивали. Девочка видела, что ребята далеко, а лошадь бежит напереиз. И вдруг штанишки ее соскользнули вниз. Стручки разом высыпались на землю. Валя запуталась и упала. Она за-

ревела, лежа натянула штаны и, придерживая их рукой, снова полетела к оврагу, плача на бегу. Когда овраг был совсем рядом, Валя увидела сквозь слезы прямо перед собой телегу с дядей Васей и с испуганным ревом повернулась, чтобы бежать назад, но споткнулась и упала в густой колючий горох, запуталась в стеблях и никак не могла подняться. И вдруг увидела, как острая деревянная нога с железным кольцом на конце опустилась рядом и стала медленно погружаться в землю. Валя забилась от страха.

– Ну что ты! Что ты! Дурочка! – услышала она и почувствовала, как дядя Вася прикоснулся к ней, потом стал поднимать с земли.

– Не надо! Не надо! – билась в его руках девочка.

Она начала заикаться.

– Что кричишь! Не бойся! – держал ее в руках дядя Вася. – Не трону я тебя...

Он прижал девочку к себе и похлопал ладонью по спине.

– Смотри-ка, у тебя резинка у штанишек лопнула!

Валя перестала плакать. Обездчик понес девочку к телеге. Лошадь стояла на дороге и мирно пощипывала траву на обочине.

– Пусти!.. Я сама... домой... – всхлипнула Валя.

– Как же ты сама?. Штаны-то спадут. Да и одна ты. Глянь, ребята где?

Мальчики были далеко. Они бежали по другой стороне оврага к деревне.

– А на лошади мы быстро доедем... Лошадь у нас бодрая...

Дядя Вася посадил девочку на телегу на солому, поправил у нее штаны и сел рядом.

– Вот так! – приговаривал он. – Не бойся! На лошади мы быстро...

Он дернул за вожжи, повернул телегу к деревне и обернулся к девочке:

– А чего ты испугалась-то?

Валя молчала, смотрела вниз, на солому на телеге.

– Яблоко хочешь?

Девочка мотнула головой. Дядя Вася вытащил из соломы два яблока и протянул одно Вале:

– Бери!

Девочка посмотрела на яблоко и снова качнула головой.

– Бери! Скороспелка! Сладкое...

Валя исподлобья взглянула на дядю Васю. Он улыбался, смотрел ласково и был совсем не страшным. Девочка потянулась к яблоку, взяла и откусила. Яблоко было действительно сладкое.

– Ну вот! – сказал дядя Вася. – Ешь! – И потрепал ее по волосам. – Солнышко как тебя побелило. Белая, как заяц... Мама на свекле сейчас, да?

– На свекле... – ответила Валя, вгрызаясь зубами в яблоко.

– А ты одна бегаешь... И доглядеть некому за тобой.

– Я не одна. Я с ребятами и с бабушкой Петровной... Она за мной смотрит!

– Смотри... За ней самой смотреть надо... Отец письма не присылал?

– Не-а...

– Улетел соловей весенний, – усмехнулся дядя Вася.

– А мама не хочет от него письма получать!

– А ты откуда знаешь?

– Она бабушке Петровне говорила... Говорит, и читать не стану – порву!

– Может, оно и верно! Прокру-то от такого отца мало...

Лошадь въехала в деревню, и девочка заерзала на телеге.

– Останови, я пойду!

– Куда же ты пойдешь-то? погоди! Резинку вденем сперва, а то бабушка ругать будет...

– Не-е, я пойду! – просила девочка.

– Ну и трусиха ты у меня! Чего ты боишься? Иль я такой страшный? Страшный, да?

– Не-е, – покачала головой Валя.

Дядя Вася остановил лошадь возле крыльца избы, кинул вожжи ей на спину, ссадил девочку с телеги и за руку повел в сени, с усилием подтягивая за собой деревянную ногу. Валя рукой поддерживала штанишки.

В избе дядя Вася отыскал в ящике стола булавку и весело скомандовал:

– Ну, давай! Снимай!

– Не-е, – отказалась Валя. – Так!

– Ну, давай так! – засмеялся дядя Вася.

Он сел на стул возле девочки, ловко и быстро вставил резинку и сшил концы.

– Готово! Можешь теперь бегать... погоди-ка, погоди! – остановил он Валю у порога. – У меня где-то медаль завалилась!

Он открыл белую картонную коробку и протянул девочке круглую желтую медаль.

– Держи!

Валя взяла, выскочила на улицу, остановилась за углом избы и начала разглядывать медаль. С обеих сторон на ней была выдавлена башня со звездой. Валя побежала вприпрыжку по лугу к избе бабки Петровны. Бабка жила рядом с Валиной матерью и присматривала за девочкой, когда мать была на работе. Посреди луга Валю остановил свист. Она оглянулась. Ребята сидели за бетонным кругом колодца и махали ей руками, подзывая к себе.

– Ну, как? – шепотом спросил Юра. – Бил?

– Не-а... Яблоко дал...

– А в избу он тебя зачем водил? – спросил Миша.

– Резинку вставлял, – оттянула Валя резинку штанов и хлопнула ею по животу. – И медаль дал!

Она разжала ладонь и показала ребятам.

– Ух, ты! – восхищенно сказал Юра. – Золотая!

– Это и не медаль вовсе! – засмеялся Миша.

– Медаль! Видишь, башня и звезда на ней! – обиделась Валя.

– Кремль! – пояснил Юра.

– Вы чо! Это шоколадка! Дай-ка сюда! – Миша забрал у Вали шоколадку. – Смотрите!

Он быстро развернул и сунул ее в рот.

– Отдай! – кинулась к нему Валя.

Миша откусил половину и протянул остаток Юре:

– На, попробуй!.. Медаль!

Юра тоже откусил. Вале достался совсем маленький кусочек. Она обиженно покрутила в руке липкий коричневый комочек и сунула в рот. Медали больше не было. Стало жалко ее.

– Вы дураки! – крикнула Валя. – Я с вами играть не буду!

– Ну и не играй! Без тебя обойдемся! – ехидно засмеялся Миша. – Медаль! Сама ты медаль рыжая!

– Я не рыжая, не рыжая! Я белая, а ты конопатый...

– Рыжая, рыжая! – дразнил Миша.

– Тише! – шикнул на ребят Юра. – Дядя Вася!

Из проулка выехала лошадь. Ребята спрятались за сруб и притихли. Валя, глядя на них, засмеялась:

– Труссы! Труссы вы! А я пойду с ним кататься!.. Дядя Вася! – закричала она и побежала к нему. – Прокати!

Лошадь остановилась. Объездчик помог девочке вскарабкаться на телегу и хлопнул вожжами. Телега загремела по дороге. Валя вцепилась руками в передок и, улыбаясь, огля-

нулась на ребят. Они следили за ней из-за колодца. Напротив избы Валиной матери дядя Вася натянул вожжи. Девочка слезла. Дядя Вася взял мешочек, достал из него яблоки и подозвал Вальку к себе:

– На-ка, матери дашь... У меня яблоки раньше всех спеют... а тебе я завтра из камыша свирель сделаю! Знаешь, что такое свирель?

– Не-а, – покачала головой Валя.

Она обеими руками прижимала к груди яблоки.

– Это дудка такая, – улыбнулся объездчик.

Телега загромыхала дальше.

Возле крыльца своей избы Валя остановилась и посмотрела на солнце. Оно потихоньку спускалось к ветлам под огородом, но пока еще не коснулось верхушек. Валя знала, что как только солнце спрячется за ветлы, придет мама. «Еще немножко!» – подумала девочка, положила яблоки на теплый порог и достала ключ от замка из-под камня. Но в избу идти передумала, села рядом с яблоками и стала считать их вслух:

– Один, два, четыре, пять, шесть! Шесть...

Но потом решила, что ошиблась, и пересчитала снова. Опять получилось шесть, и опять показалось, что-то не так. Валя знала хорошо, что пальцев на руке пять. Тогда она положила яблоки рядом и к каждому прижала по пальцу одной руки. Яблок было столько же, сколько и пальцев. Значит, пять! Валя снова стала считать, прижимая по очереди паль-

цы к яблоку:

— Один, два, четы... — Валя задумалась. Четвертый палец был следующий... Это она хорошо помнила. — Вспомнила, вспомнила! — обрадовалась девочка. — Три! Один, два, три, четыре, пять!

Яблоки кончились, но девочка продолжала считать, пока не дошла до двадцати. Дальше она не знала. Потом Валя вспомнила, какие вкусные эти яблоки, и подумала, что мама обязательно даст ей одно. Зачем ждать до вечера, лучше сейчас его и съесть.

Валя сидела на пороге, ела яблоко, постукивала босой пяткой по земле, посматривала изредка то на луг, где должна появиться машина со свекольницами, то на солнце, которое потускнело и стало прятаться за ветлы. На лугу показалось стадо коров. «Зорька сейчас придет, а мамы нету!» — беспокойно подумала девочка и решила сама идти за коровой. Стадо обычно появлялось на лугу после машины. Валя перенесла яблоки на крыльцо, взяла хворостину и побежала на луг. Зорьку искать было не нужно. Она сама неторопливо шагала домой. Бока и вымя у нее разбухли, и на всех четырех сосках висели белые капли молока. Иногда они отрывались и падали на дорогу, в пыль. Валя откинула крючок двери катуха, открыла, и корова вошла, цепляя боком дверь.

«Теперь доить надо!» — озабоченно думала Валя. Обрадованная тем, что сама встретила Зорьку, она решила, что может и подоить ее. Девочка нашла в сенях ведро, тряпку и вы-

шла в катух. Зорька, услышав позвякивание ведра, посмотрела на Валю. Девочка ласково погладила корову по боку, приговаривая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.